

данной категории должностных лиц могут возникать трудности при выполнении своих должностных обязанностей и осуществлении правоприменительной деятельности.

В современных условиях значимость деятельности правоохранительных органов существенно возросла. При этом, поскольку правоохранительные органы финансируются за счет государственного бюджета, допущенные ими ошибки всегда находятся в центре внимания населения. В этой связи очень важно, чтобы должностные лица государственных органов (следователи, сотрудники ОВД, дознаватели) обладали высоким профессионализмом и не допускали ошибок при осуществлении правоприменительной деятельности.

Таким образом, можно заключить, что акты индивидуального правового регулирования органов судебной власти, образующие в своей совокупности судебную практику, и разъяснения нормативного характера, созданные на основе ее обобщения, предоставляемые правоохранительным органам, способствуют эффективному выполнению обязанностей их должностными лицами и успешному решению поставленных перед ними задач. В этом и проявляется большое практическое значение судебной власти в правоохранительной деятельности.

Список использованных источников

1. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/3d491815105645b4.html. – Дата доступа: 09.03.2019.
2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=319943>. – Дата доступа: 09.03.2019.
3. Волков, В.А. Являются ли органы судебной власти правоохранительными? / В.А. Волков // Актуальные проблемы права: достижение и перспективы : Материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию казахстанской полиции и «ЕХРО-2017: Энергия будущего» (02 июня 2017 г.) : в 2 т. – Актобе : ҚР ИИМ М. Бөкенбаев атын. АЗИ, 2017. – Т. 1. – С. 92–94.
4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. : В.О. Сукало, И.Н. Минец. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2010. – 560 с.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. И.Н. Минец ; под общ. ред. В.О. Сукало. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 608 с.
6. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. А. М. Паутов; под общ. ред. В.Л. Калинковича. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2015. – 656 с.

Дата поступления в редакцию: 26.03.19

V.A. Volkov, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ACTS OF JUDICIAL POWER IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The importance of judicial acts in the activities of law enforcement agencies is considered. First of all, the question concerns the work of the structural units of the Ministry of Internal Affairs, the Internal Troops and the Investigative Committee of the Republic of Belarus. The conclusion about the practical significance of the acts of legal regulation is justified. Attention is focused on the effectiveness of judicial practice and the explanations provided on the basis of its synthesis clarifying the successful implementation of the assigned to duties law enforcement officials.

Keywords: law enforcement agencies, law enforcement, legal regulation, juridical practice, legal practice.

УДК 340.130

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)

ПРОБЛЕМА ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПРАВОВОЙ НОРМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОТРАСЛЯХ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

В 4 частях

Часть 2

Исследуются различные подходы к структуре правовой нормы в теоретической и отраслевых юридических науках. Предлагается критический анализ двухэлементного подхода к структуре правовой нормы.

На примере строения норм конституционного права приводятся авторские доказательства достоинства, теоретической и практической значимости трехэлементного подхода к структуре нормы права.

Ключевые слова: гипотеза, диспозиция, норма права, санкция, структура, теория права, юридическая наука.

Не менее убедительны и доводы сторонников двухэлементной структуры нормы права (С.В. Курылев, А.С. Пиголкин, А.Н. Пугачев, Б.И. Пугинский, С.С. Студеникин, Н.П. Томашевский, А.Ф. Черданцев и др.). Их основная аргументация достаточно весома.

Во-первых, норма права состоит не из трех, а из двух элементов. Так, для регулятивных норм характерно строение через гипотезу и диспозицию, а для охранительных – через диспозицию (гипотезу) и санкцию.

Во-вторых, по своему словесно-логическому построению нормативное предписание (традиционно понимаемое как норма) представляет собой отдельное предложение или даже отдельную фразу юридического нормативного текста. Такие нормативные предписания имеют двухчленную структуру.

В-третьих, отдельные структурные части целого (нормы) могут создаваться, изменяться и отменяться в разное время; могут создаваться, изменяться и отменяться разными органами, причем вполне допускается, что органу, формулирующему одну структурную часть, не было известно об изменениях (и даже самом существовании) других частей. Юридическая сила различных частей единой нормы может быть различна, так как они могут содержаться в разных нормативных правовых актах. Одна норма может иметь разнородные санкции, относящиеся к разным отраслям права, одна и та же санкция может быть составной частью неопределенного множества других норм.

В-четвертых, в действующем праве вообще не удается отыскать нормы, построенные по модели «если – то – иначе». Обращается внимание, что ни в одном исследовании не приводится ни единого примера, иллюстрирующего и доказывающего данное утверждение¹.

В-пятых, трехэлементная структура вводит истолкователя норм в заблуждение, ориентирует его искать несуществующие составные части толкуемой нормы (не существует того, что не выражено в языке, прямо не сформулировано в норме права), в то время как учение о двухчленной структуре просто, естественно, удобно, не вызывает затруднений у истолкователей норм, так как соответствует реальным нормам права [1, с. 7; 2, с. 51–52].

Таким образом, сторонники двухэлементной структуры полагают, что в отличие от логической структуры нормы права нормативные предписания имеют двухэлементную структуру, которая зависит от функциональной направленности нормы. Трехэлементная структура нормы права представляет собой идеальную модель, которая практически не подтверждается примерами из законодательства. Кроме того, субъекты права вынуждены домысливать несуществующие элементы нормы права, что приводит к трудностям при их толковании. В этой связи, по мнению ученых, учение о юридической норме с трехэлементной структурой следует признать бездоказательной, умозрительной теорией, не находящей объяснения и подтверждения в реальных фактах правовой деятельности.

В качестве обоснования двухэлементной структуры также указывается специфика норм права ряда отраслей, для которых не может быть применена трехэлементная структура. Речь идет о так называемых нетипичных нормах (принципы, дефиниции). Например, в конституционном праве на особый характер структуры конституционно-правовых норм указывает и Е.И. Козлова, полагая, что для них не характерна традиционная трехчленная структура, выделяемая в составе правовой нормы, – гипотеза, диспозиция и санкция; в рассматриваемых нормах обычно имеются гипотеза и диспозиция и лишь в отдельных случаях – санкция [3, с. 35]. Аналогичной точки зрения придерживается С.А. Авакьян и утверждает, что «классические подходы теории права предполагают находить в структуре правовой нормы три элемента – диспозицию, гипотезу и санкцию, то в конституционном праве нет таких классических по структуре норм» [4, с. 87]. Такую же научную позицию занимает и белорусский ученый А.Н. Пугачев, поясняя, что «соотношение элементов, выбор конкретных форм гипотезы, диспозиции, санкции определяют такие факторы, как

¹ Тем не менее такие примеры успешно приводятся белорусскими правоведом (см. Вишневецкий А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права / под общ. ред. В.А. Кучинского. – 3-е изд., пересмотр. – Минск: Акад. МВД, 2017).

характер регулируемых общественных отношений и выполняемых функций, содержание данной нормы, особенности законодательной политики, степень совершенства используемых приемов законодательной техники и т. д. ... предельно обобщенный и абстрактный характер норм конституционного права и придает им такую своеобразную, специфическую структуру и форму изложения» [1, с. 8, 10]. По этой причине предлагается выделять нормы-гипотезы, нормы-диспозиции и нормы-санкции в качестве самостоятельных видов норм права с особой структурой.

Данный подход вызывает обоснованные возражения у представителей теоретической юридической науки. По утверждению В.М. Сырых, только в процессе логического анализа нормативного материала можно установить действительное содержание нормы права, которая в общем и целом не сводима ни к отдельному положению, ни к принципу или дефиниции, ни к конкретному предписанию, закрепляющему гипотезу или иную структурную часть правовой нормы [5, с. 343–344].

Сходного мнения придерживается В.О. Лучин, по мнению которого «каждой конституционной норме вовсе не обязательно иметь санкцию в качестве своего структурного элемента. Отсутствие санкции во многих конституционных нормах не отвергает возможности государственного принуждения в случае их нарушения. Оно говорит лишь о специфике методов, форм использования государственного принуждения посредством иных правовых норм» [6, с. 31].

Трехэлементная структура конституционно-правовой нормы находит поддержку в белорусской науке конституционного права. Г.А. Василевич, например, полагает, что конституционное право ранее развивалось таким образом, что нормы, составляющие данную отрасль, обычно не содержали санкцию, однако сейчас все настоятельнее возникает потребность в определении санкции в структуре конституционно-правовых норм [7, с. 7]. Такую необходимость ученый связывает с развитием института конституционно-правовой ответственности, что позволит быстрее «избавиться» от декларативности некоторых положений конституционного права, нормы которого будут обеспечены силой государственного принуждения.

Наличие норм с такой «неявной» структурой можно объяснить тем, что они выполняют определенные функции, что и определяет их специфику (особенность, отличие от остальных). В свою очередь любая норма права выступает структурным элементом системы права и взаимодействует с иными нормами, образуя институты, отрасли (подотрасли) и систему права в целом. При этом структурные элементы такой правовой нормы выводятся логическим путем. Следовательно, наличие скрытой логической структуры специфических правовых предписаний не является аргументом для критики трехэлементной системы.

Попытка разрешить спор между сторонниками двухэлементной и трехэлементной структуры была предпринята в рамках подхода, согласно которому норма права может состоять как из трех, так и из двух элементов. Представителем такого подхода выступал С.С. Алексеев, который фактически признавал оба подхода к структуре нормы права. Количество элементов в логической норме и в нормативном предписании, по его мнению, не совпадало. При этом под нормативным правовым предписанием ученый предлагал понимать элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативного юридического акта. По убеждению С.С. Алексеева, логическая норма права – это выявляемое логическим путем правило, которое воплощает органические связи между нормативными предписаниями и обладает полным набором свойств, раскрывающих их государственно-властную, регулятивную природу [8, с. 55]. В этой связи обосновывалось, что так как логическая норма не соответствует структуре реальных норм предписаний, то она (логическая норма) имеет трехчленное строение, а норма-предписание состоит из двух элементов.

В рамках такого подхода спор о структуре норм права видится неразрешенным, а на страницах юридической литературы развернулась дискуссия о правовой природе нормативного предписания, о его месте в понятийно-категориальном аппарате теории права. В этой связи нормативные предписания стали рассматриваться либо в качестве элементов структуры права, либо отождествляться с текстом статей нормативного правового акта, либо выступать универсальной категорией, объединяющей систему законодательства и систему права.

Кроме вышеизложенного анализ научных публикаций, посвященных проблемам структурирования норм права в различных отраслях права, позволяет сделать вывод о наличии противоречивых и недостаточно аргументированных подходов, в частности:

1. Предлагается рассматривать санкцию и диспозицию нормы как правовое явление, видоизменяемое в зависимости от конкретных условий и целей правового регулирования. Норма

права в единстве ее структурных элементов как основной инструмент правового воздействия на общественные отношения должна приводиться в функциональную зависимость от типа социального поведения субъектов права, в том числе от детерминизма правомерного и противоправного [9, с. 32].

2. Высказывается мнение, что санкция нормы права – это специальная диспозиция, определяющая состав неблагоприятных для субъекта правовых последствий [10, с. 40].

3. Выдвигается концепция многообразной структуры, которая заключается в отсутствии жесткой абсолютизации количественного и качественного состава правовых норм, что значительно расширяет возможности правового регулирования по сравнению с другими теориями. В этой связи указывается, что право на существование имеют все подходы к строению юридической нормы, и их нужно рассматривать как «набор» моделей, своего рода инструментов для анализа текста нормативного правового акта, каждый из которых призван решать только ему присущие задачи этого анализа [11, с. 56].

4. Утверждается, что, будучи неразрывно связанными между собой, нормы права в определенных аспектах выступают как диспозиции, имеющие свои гипотезы и санкции, в других – как элементы гипотез или санкций других норм; санкция одной нормы становится диспозицией при нарушении охраняемой нормы и применении мер принуждения к правонарушителю; гипотезы также в определенном аспекте становятся диспозициями, указывающими, каким именно обстоятельствам следует придавать юридическое значение. В качестве аргументов приводятся следующие примеры: с точки зрения пешеходов и водителей транспортных средств соблюдение правил дорожного движения является обязанностью (диспозиция), а административные взыскания за невыполнение обязанности – санкцией; с точки же зрения государственных органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, та же самая норма выступает в другом аспекте, а именно гипотезой становится описание административного правонарушения, диспозицией – обязанность применить взыскание в установленных законом пределах и соответствующей процессуальной форме, санкцией же будет выступать отмена незаконного и необоснованного постановления по делу об административном правонарушении, а также меры персональной ответственности должностных лиц, виновных в бездействии или в неправильном применении закона [12, с. 443–444].

5. Высказывается мнение, что диспозиция с полным основанием может быть отождествлена с самим содержанием нормы [13, с. 117]; в процессуальном законодательстве гипотезы и санкции – это те же диспозиции [14, с. 31].

6. Предпринимается попытка пересмотреть существующую логическую формулу, в связи с чем утверждается: «иначе» – это не просто логическая операция, а по сути – новая гипотеза, с содержательной точки зрения отрицающая предыдущую. «Иначе» следует передать как если «условия (все или некоторые), описанные в такой-то норме, не имеют место быть», то «наступают последствия такие-то» – новая диспозиция, обыкновенно именуемая санкцией» [15, с. 103].

7. Наряду с гипотезой и диспозицией предлагается рассматривать санкцию в качестве совершенно самостоятельного элемента в качестве диспозиции особого рода. Специфика последней обусловлена спецификой охранительной нормы в целом: во-первых, она всегда вторична, производна от регулятивной нормы и в функциональном плане обеспечивает ее правомерное осуществление; во-вторых, гипотезой здесь всегда выступает некоторое нормонарушение, т. е. акт неправомерного поведения, поэтому такая гипотеза именуется не иначе как «гипотеза-нормонарушение» [16].

Существуют и другие точки зрения на количество и характер выделяемых структурных элементов нормы права. Такого рода подходы не получили сколько-нибудь широкого признания в юридической литературе. Есть предположение, что каждый из представленных подходов претендует на оригинальность. Не претендуя на необходимость господства единственно верной точки зрения, отметим, что при обосновании новых подходов к структуре правовой нормы следует не только их аргументировать, но и обращать внимание на научные разработки предшествующих периодов, на согласованность с устоявшимся понятийно-категориальным аппаратом теории права с учетом научных традиций, сложившихся не только в рамках советской и современной юридической науки, но и в дореволюционный период. В связи с вышесказанным наиболее обоснованным представляется видение трехэлементной структуры, отражающей со-

держание нормы права в единстве и взаимосвязи элементов, из которых она состоит, что позволяет понять смысл законодателя, заложенный при ее принятии. Тем более, что такая точка зрения находит поддержку как в теоретической, так и отраслевой белорусской юридической науке в трудах Г.А. Василевича, А.Ф. Вишневецкого, Н.А. Горбатка, И.В. Козелецкого, В.А. Кучинского, В.В. Марчука, А.И. Сухарковой и др. [7; 17–19].

Продолжение следует

Список использованных источников

1. Пугачев, А.Н. Особенности структуры конституционно-правовых норм / А.Н. Пугачев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 1. – С. 5–10.
2. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие / А.Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
3. Козлова, Е.И. Конституционное право России : учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 2004. – 587 с.
4. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С.А. Авакьян. – М. : Юристъ, 2005. – Т. 1. – 719 с.
5. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 3 т. / В.М. Сырых. – Современное правовое понимание. – М. : РАП, 2007. – Т. 3. – 512 с.
6. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
7. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. – Г.А. Василевич. – Минск : Книжный дом, Интерпрессервис, 2003. – 832 с.
8. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
9. Братусь, С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1973. – № 4. – С. 27–35.
10. Еременко, А.С. Взаимосвязь гипотезы и диспозиции нормы гражданского права с юридическими основаниями и гражданско-правовыми последствиями / А.С. Еременко // Адвокатская практика. – 2011. – № 3. – С. 33–40.
11. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. – М. : Новый юрист, 1999. – 240 с.
12. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 1999. – 504 с.
13. Сорокин, В.Д. Проблемы административного процесса / В.Д. Сорокин. – М. : Юрид. лит., 1968. – 144 с.
14. Елисейкин, П.Ф. Процессуальная норма и ее диспозиция / П.Ф. Елисейкин // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1979. – 138 с.
15. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издатель, 2007. – 993 с.
16. Демин, А.В. Принцип определенности налогообложения : монография / А.В. Демин. – М. : Статут, 2015. – 368 с.
17. Вишневецкий, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 478 с.
18. Марчук, В.В. Об уголовно-правовых отношениях [Электронный ресурс] (по состоянию на 24.01.2011) / В.В. Марчук // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
19. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Ч. 1 : Административно-регулятивное право. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 438 с.

Дата поступления в редакцию: 27.02.19

A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PROBLEM OF ELEMENTAL COMPOSITION OF THE LEGAL NORM IN THE THEORETICAL LEGAL SCIENCE AND BRANCHES OF BELARUSIAN LAW (PART 2)

Various approaches to the structure of the legal norm in theoretical and sectoral legal sciences are explored. A critical analysis of the two-element approach to the structure of the legal norm is given. Using the example of the structure of the norms of constitutional law, the author, proofs of dignity, the theoretical and practical significance of the three-element approach to the structure of the rule of law are given.

Keywords: hypothesis, disposition, rule of law, sanction, structure, theory of law, legal science.